

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И ГУМАНИТАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

THE BAIKAL REGION IN THE GEOPOLITICAL AND HUMANITARIAN DIMENSION

УДК 392.3 + 913 (Заб)

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-3-30-40

Елена Сергеевна Бушуева,

*Иркутский национальный исследовательский технический университет
(г. Иркутск, Россия),
e-mail: bushueva.yara13@yandex.ru*

Павел Александрович Новиков,

*Иркутский национальный исследовательский технический университет
(г. Иркутск, Россия), e-mail: novikov710@yandex.ru*

Роль межнациональных браков в стабилизации межэтнических отношений в этноконтактной зоне Восточного Забайкалья во второй половине XVII – XVIII веке (к истории Нерчинской Успенской церкви)

Предлагаемая статья является первой в цикле, знакомящем с региональными особенностями образования национально-смешанных семей в Даурии (в настоящее время – Забайкальский край) на этапе её присоединения к Российскому государству. Наиболее колоритным примером внутриэтнической консолидации и межэтнической интеграции стал старинный город Нерчинск. Обращаясь к страницам его истории, приобретаем уникальную возможность глубоко и всесторонне представить процесс становления полиэтнической структуры забайкальского социума. В данной статье ограничимся обоснованием того, что распространённые во второй половине XVII–XVIII веке межнациональные браки явились важным фактором стабилизации межэтнических взаимоотношений в крае. Применение историко-социологического и краеведческого объяснительных подходов для углублённого анализа процесса становления своеобразной социокультурной среды Забайкалья позволило обратиться к широко известным фактам региональной истории и использовать их в качестве убедительных доказательств. Обнаруженные в фондах ГАЗК брачные описи приходов Нерчинской Вознесенской церкви и Троицкого собора, а также Успенской церкви Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря предоставили уникальную возможность проследить специфику формирования процесса межэтнического взаимоотношения, ставшего характерным для Забайкальского края.

Ключевые слова: Даурия, казаки-первопроходцы, толерантность, этнонациональная и межконфессиональная лояльность, межэтнические взаимоотношения, этноконтактная зона, национально-смешанные семьи

© Бушуева Е. С., Новиков П. А., 2020

Elena S. Bushueva,
Irkutsk National Research Technical University
(Irkutsk, Russia),
e-mail: :bushueva.yara13@yandex.ru

Pavel A. Novikov,
Irkutsk National Research Technical University,
(Irkutsk, Russia),
e-mail: novikov710@yandex.ru

The Role of Interethnic Marriages in Stabilizing Interethnic Relations in the Ethno-Contact Zone of East Transbaikalia in the Second Half of the 17th–18th Centuries (to the History of the Nerchinsk Assumption Church)

The proposed article is the first in a series introducing the regional features of the formation of mixed families in Dauria (now the Trans-Baikal Territory) at the stage of its accession to the Russian state. The most colorful example of intra-ethnic consolidation and interethnic integration was the ancient city of Nerchinsk. Turning to the pages of his history, we acquire a unique opportunity to deeply and comprehensively present the process of the formation of the multi-ethnic structure of the Trans-Baikal society. In this article, we restrict ourselves to the justification that interethnic marriages widespread in the second half of the 17th–18th centuries were an important factor in stabilizing interethnic relations in the region. The use of historical, sociological and local history explanatory approaches for an in-depth analysis of the process of formation of a peculiar socio-cultural environment of Transbaikalia made it possible to turn to widely known facts of regional history and use them as convincing evidence. Matrimonial inventories of parishes of the Nerchinsk Assumption Church and Trinity Cathedral found in the GAZK funds, including The Assumption Church of the Nerchinsky Holy Assumption Monastery provided a unique opportunity to trace the specifics of the formation of the process of interethnic relationship that has become characteristic of the Trans-Baikal Territory.

Keywords: Dauria, Cossack pioneers, tolerance, ethno-national and inter-religious loyalty, interethnic relations, ethno-contact zone, nationally mixed families

Введение. Изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни Даурии (в настоящее время – Забайкальский край) на протяжении длительного исторического периода – второй половины XVII – XVIII века, – предопределили развитие характерных черт современной региональной культуры края. Важнейшей из них явилась толерантность межэтнических взаимоотношений проживающих по соседству друг с другом представителей разных народов и этнических групп Восточного Забайкалья. Приступая к рассмотрению ранее обозначенного принципа, акцентируем внимание на процессах исторического и культурно-средового воздействия на формирование этнокультурного синкретизма сознания субъектов взаимодействия данной этноконтактной зоны.

Всесторонний анализ социокультурных особенностей Забайкалья показал, что в основе региональной политики консенсуса лежит этнонациональная и межконфессиональная лояльность, свойственная мировосприятию населения края, у которого принципы толерантности сформировались и закрепились на подсознательном уровне и сохраняются в настоящее время благодаря преемственности вековых традиций. В связи с этим необходимо отметить те важные исторические моменты, которые

оказали существенное влияние на воспитание высокого уровня толерантности индивидуального сознания личности как основы ненасилия, следовательно, на становление коллективной толерантности внутри регионального сообщества. Наиболее колоритным примером внутриэтнической консолидации и межэтнической интеграции стал старинный город Нерчинск. Обращаясь к страницам его истории, приобретаем уникальную возможность глубоко и всесторонне представить процесс становления полиэтнической структуры забайкальского социума.

Методология и методы исследования. Применение историко-социологического и краеведческого объяснительных подходов для углублённого анализа процесса становления своеобразной социокультурной среды Забайкалья позволило обратиться к широко известным фактам региональной истории и использовать их в качестве убедительных доказательств. Отбор фактического материала производился на основе принципов исторического познания – научной объективности и историзма. В соответствии с принципом историзма статья написана на основе обобщения большого объёма не опубликованных ранее исторических документов Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) из

следующих фондов: Ф. 282 «Церкви Забайкальской области», Ф. 8 «Забайкальская духовная консистория». Материалы архивных документов позволили выявить ряд специфических особенностей, характерных для заключения межнациональных браков и регулирования семейно-брачных отношений в рассматриваемом регионе. Принцип объективности, сравнительно-исторический, описательный и статистический методы способствовали выявлению причинно-следственных связей между заключением межнациональных браков и стабилизацией межэтнических отношений в период присоединения новых юго-восточных территорий к Российскому государству. Данные методические позиции помогли в систематизации информации архивных документов, на основе которой появилась возможность составить генеалогические схемы знатных казацких (7), купеческих (2) и священно-церковнослужительских (4) родов, некогда широко известных в крае, а также построить графики и диаграммы разновидностей заключённых браков в разный период истории Забайкалья. Собранный научно-статистический материал готовится к публикации в последующих статьях.

Результаты исследования и их обсуждение. Освоение и присоединение Забайкальского края осуществлялось разными путями. Их значимость получила оценку в исследовательском труде Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония», где утверждалось, что освоение данной территории посредством «смешения» происходило «двумя путями» [17, с. 12]. Первый – с помощью «кровного родства» и «примеси к русской народности инородческого элемента». Второй – вследствие непрерывного бытового взаимовыгодного общения, в ходе которого коренные жители края сами по себе «воспринимали русский язык, образ жизни», нравы, воззрения, культуру и т. д. Наиболее действенным из них для Восточного Забайкалья стал путь заключения межнациональных браков и образования на их основе национально-смешанных семей [3–5].

До прихода русских земли Даурии были населены представителями разных коренных народов Сибири. По бескрайним забайкальским степям кочевали племена тунгусов (кочевников-скотоводов) и монголоязычных бурят, в горно-таёжной зоне расселились эвенки (охотники-оленоводы) [6, с. 20; 10; 13].

Во второй половине XVII в. активизировался процесс присоединения новой территории Северной Азии к Российскому государству. Передовые отряды казаков-землепроходцев, самоотверженно преодолевая колоссальные трудности на своём пути, достигли реки Шилки. Их неудержимое стремление найти «от века неслыханные земли», богатые пушниной, особенно «зверем соболем», осуществилось. Произошло это по той причине, что отдалённые и труднодоступные земли Даурии изобиловали «мягким золотом», а также золотой, серебряной и оловянной рудами, жизненно необходимыми для восстановления экономики молодого, набирающего силы русского государства.

Летом 1658 г. на землю Даурии пришёл новый многочисленный отряд, состоящий из 600 крепких казаков, промышленников и «гулящих» людей, во главе с енисейским воеводой Афанасием Филипповичем Пашковым. На этот раз русские казаки смогли основательно закрепиться в устье реки Нерчи, где и возвели «Верхний Шилской» острог. Вслед за ними, для охраны только что присоединённых юго-восточных рубежей страны, регулярно посылались отряды служилых людей – казаков и стрельцов. С конца XVII в. сюда усиливается приток торговых людей, купцов, промышленников, ссыльных крестьян и просто «гулящих», отправляющихся на восток «своею охотою». Увеличение русского служилого и торгового контингента в Восточном Забайкалье и их обоснование в крае создало благоприятные условия для последующего продвижения отрядов первооткрывателей в районы Приамурья и далее к берегам Тихого океана.

Постепенно Забайкалье превращалось в надёжный форпост русского присутствия в огромном регионе, тем самым, способствуя дальнейшему присоединению территорий Сибири и Дальнего Востока. Рассуждая об исторической значимости данного процесса и достигнутых в нём результатах, известный сибирский публицист и исследователь конца XIX в. Н. М. Ядринцев писал, не скрывая своего восхищения: «Всё, что мог сделать русский народ в Сибири, он сделал с необыкновенной энергией, и результат трудов его достоин удивления по своей громадности. Покажите мне другой народ в истории мира, который бы в полтора столетия прошёл пространство, большее пространства всей Европы, и ут-

вердился на нём? Нет, вы мне не покажите такого народа!» [17, с. 42].

Современный американский исследователь У. Линкольн, обосновывая высказывание, что «нации рождаются битвами и завоевания делают их великими», заметил, что «именно завоевание Сибири позволило России подняться в число великих держав мира». При рассмотрении специфики исторического процесса он подметил, что «в формальном территориальном смысле только горстка казаков и охотников, посвящённых в известные им планы продвижения, с россыпью приграничных крепостей и торговых постов завоевали Сибирь в шестьдесят шесть лет. <...> Расстояние в пять тысяч миль от Урала до края Берингова моря позволило русским построить самую большую в современном мире империю <...> Она ограничена Уральскими горами на западе, Северным Ледовитым океаном на севере, землями Казахстана, Средней Азии, Монголии, Китая и Кореи на юге, Беринговым морем, Охотским морем и Японским морем на востоке <...> за счёт Сибири произошло увеличение размеров средневековой Руси более чем в сто крат» [18, с. 7].

Осевшие в крае первопроходцы стали постепенно налаживать свой быт, обзаводиться семьями, беря в жёны местных представительниц прекрасного пола. Брачное поведение пришлых русских было обусловлено серьёзной демографической диспропорцией, наметившейся к тому времени в крае. Внушительное преобладание мужской части населения, относящейся к разным этническим группам (русские, буряты, тунгусы, эвенки, эвены, хамнигане, орочены, манегры, монголы), над женской частью способствовало повсеместному созданию национально-смешанных семей.

По подсчётам численности этнического состава коренного населения Сибири в период конца XVII – начала XVIII в., Б. О. Долгих выявил следующее соотношение: общая численность тунгусов (эвенков) составила 36,2 тыс. чел., численность бурят была в пределах 27,3 тыс. чел. [8, с. 615–617]. В окрестностях Нерчинска количество тунгусов и бурят к концу XVII в. исчислялось несколькими сотнями душ. Здесь мирно сосуществовали представители различных этнических общностей. Это были территории, где издавна размещались «породные» угодья «свободного кочевья» 11 родов хоринских бурят, в этом

же районе простилались и владения даурского князя Гантимура, возвратившегося в 1667 г. «из Богдайской земли» со своим небольшим тунгусским родом (предположительно 40 душ мужского пола), вскоре вслед за ним последовали ещё 15 племён эвенков. К 1691 г. возле Нерчинска нашли прибежище «мунгальцы» (в количестве «600 бурятских юрт»), в разные годы вышедшие из Монголии, а также халхасцы и онкоты.

Отметим, что в рассматриваемый исторический период (60–70-е гг. XVII в.) численность русских служилых людей в Даурии, согласно данным Г. А. Леонтьевой, колебалась в разные годы от 68 до 42 чел. С заключением первого мирного Нерчинского русско-китайского договора (1689) численность служилых Нерчинска и подведомственных ему острогов начала стабильно увеличиваться, достигнув к 1694 г. 437 чел. [12].

Появление девушек русской национальности в отдалённых землях Даурии во второй половине XVII в. было крайне редким явлением. Они оказывались здесь по ряду причин. Во-первых, назначаемые на службу в суровый, неведомый край возрастные казаки или служащие, прибыв в Даурию и ознакомившись с бытовыми и климатическими условиями, возвращались в прежние места жительства за своими семьями, но таких было единицы. Привозили жён и детей на новое место своей службы. Достаточно вспомнить служилого Тимофея Бутина (прародителя рода купцов-золотопромышленников Бутиных), всех нерчинских воевод, начиная с первого, назначенного учредить Нерчинское воеводство, Афанасия Филипповича Пашкова [9, с. 7]. В данную группу входили и представители белого духовенства, наиболее известным из которых является «неистовый» протопоп Аввакум [Там же, с. 6]. Обращаясь к генеалогическим древам известных казацких родов края (Пешковых, Лоншаковых, Шергиных, Белокопытовых и т. д.), отметим ту же тенденцию¹. Тем не менее, обозначенное поведение было, скорее, исключением, чем правилом.

Во-вторых, в основном казаки-первопроходцы, позже служилые, промышленники и «гулящие» в здешние края прибывали одиночными и уже на месте старались создать семьи. Отдельные из них (в большинстве сотники, пятидесятники) жён себе при-

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. 282. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 4, 15, 23; Д. 2. – Л. 38, 57.

возили из дальних служебных командировок в европейскую часть России, во время отвоза «государевой пушной казны», или покупали у торговых людей, не брезгующих торгом «живым товаром» (русскими девушками), обманом завезённым в Сибирь. Но это также были единичные случаи, не способные кардинально решить насущную проблему.

В-третьих, значительно позднее начинается целенаправленная ссылка в край недовольных крестьян. Особым вниманием пользовались девушки из семей крестьян-старообрядцев, ссылаемых по государеву указу на вечное поселение в Нерчинск. Первая партия таких ссыльных пришла в конце XVII в. Ни одна девушка из семей «ссыльных старообрядцев» не была обойдена вниманием.

Вместе с тем, для большей части рядовых казаков и промышленных людей, осевших в крае, единственным выходом создать семьи оставалось приобретение женщин во время военных походов «по сибирской и даурской землицам» путём захвата в плен ясыря или вхождение в родство с представительницами местных этнических групп. Многочисленные исторические документы из фондов РГАДА (Российского государственного архива древних актов) сохранили свидетельства о частых нападениях «монгольских шаек» на нерчинские остроги и казацкие заимки в первые десятилетия прихода русских, которые сопровождались не только отгоном скота, но и похищением женщин. Однако после уточнения демаркационной линии границы между соседними государствами, закреплённой в статьях Буринского трактата (1727) и Кяхтинского русско-китайского договора (1728), незамедлительно издаётся инструкция, в которой строго запрещается бракосочетание с чужеземцами: «В монгольскую землицу своих не отдавать и чужих не брать».

К началу XVIII в. русские служилые, численность которых уже превышала 400 чел., представляли немногочисленную, но одну из основных категорий населения Даурии.

Большинство из смешанных браков и сожительств русских с местными женщинами оказались устойчивыми. В этот период они основывались на личном выборе будущего супруга. Оттого созданные на их основе семьи были крепкими. Прочность семейного союза содействовала укреплению межнациональных отношений и развитию

социокультурного взаимодействия в крае. Структура смешанной семьи того периода с мужской стороны была нуклеарной (или однопоколенной), включающей лишь супругов (мужа, жену) и детей, находящихся на их иждивении. Тем не менее, автономно живущая национально-смешанная малая семья в отдельных случаях могла рассчитывать на поддержку со стороны родственников жены.

Особого внимания заслуживает принцип регулирования семейно-брачных отношений в патриархально-родовой организации бурят и тунгусов, основывающийся на жёсткой экзогамии. Согласно утверждению А. В. Жукова, именно этим можно объяснить их восприятие представителей иных родов как потенциальных брачных партнёров [10]. Для членов этнических групп, населяющих край, было характерно перенесение специфических родовых отношений даже на иноэтнические общности, отчего межэтнические отношения реализовывались ими как межродовые. Схожая ситуация прослеживалась и в отношениях аборигенного населения с пришлыми русскими. Закрепление у номадов экзогамной формы социального регулирования отношений между полами, ограничивающей сексуальные связи между кровными родственниками, оказало важное содействие ассимиляции пришлыми части коренного населения Забайкалья. Данный процесс продолжался на протяжении всего периода колонизации и последующего обживания обширных, но малозаселённых территорий Даурии.

По этому поводу П. С. Паллас, посетивший эти места в 70-х гг. XVIII в., писал: «Между гражданами и сельскими жителями в Даурии видна великая смесь с мунгальцами, то зажиточные русские по сёлам, а также граждане, будучи предупреждены, будто татарская кровь горячее, за обыкновение себе взяли жениться на бурятках и мунгалках... и для того (тести) охотно дочерей своих отдают креститься в Российскую Веру» [по: 17, с. 138]. Подтверждение данному факту находим и в «Книгах на подавание доношения о браках» Нерчинского духовного правления за 1746–1752 гг.¹ приходов Нерчинской Воскресенской церкви и Успенской монастырской Нерчинской Свято-Успенской мужской обители. В одном из «доношений» от служилого Темофея Стефанова сына Перебоевых говорится, что он засватал «из того же приходу новокрещённую девку Пелагею Прохорову дочь Ба-

¹ ГАЗК. – ф. 282. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 10, 12 и др.

лагуровых». В другом нерчинский казачий сын Семён Иванов сын Корниловых взял в жены «новокрещённую девку Марфу дочь Пчелиных». Подобных брачных прошений встречается достаточно много¹. Особый интерес вызывает брачное «доношение» Киприяна Тимофеевича сына Бутиных, который засватал дочь одного «тунгусского князца», лишь накануне принявшую святое крещение с фамилией Толстолапова².

Законодательное оформление ограничения на кровосмешение послужило основанием для повсеместного увеличения числа гетерогамных семей, т. е. семей, в которых супруги имели различные социально значимые признаки, такие как социальное происхождение, национальную и расовую принадлежность, религиозное вероисповедание, образовательный и культурный уровень и др. На данную ситуацию указывал Н. М. Ядринцев: «Во многих русских селениях половина жителей состоит из русских крестьян, а другая половина из обруселых бурят или ясачных» [17, с. 87]. Это подтверждается и многочисленными брачными «доношениями» новокрещённых лиц мужского пола об их вступлении в брак с девушками православного вероисповедания, сохранившимися в Государственном архиве Забайкальского края³. В этом плане особый интерес представляют следующие брачные «доношения»: первое, от 30 июня 1746 г., написанное от имени жителя Городищенской слободы (селения Князево поселье, входящего в Успенский уезд) Павла Гантимурова, «сына бывшего Нерчинского князя Алексея Гантимурова», который вместе с «крестьянским сыном» Семёном Федоровым, являющимся ещё и «бурятским сыном», подали прошение в Нерчинское духовное правление с просьбой зарегистрировать брачные союзы. В частности, в нём сообщалось: «Возымели мы нижайшее намерение жениться и засватали, а именно: Павел из прихода Торгинского у служилого Максима Шеломенцева его дочь девицу Ефинерию. А Федоров у крестьянина Федора Пичуева взял дочь девицу Василису, того же Городищенского прихода». При этом православный священник уточнил, что оба молодых человека заключали первые в своей жизни браки⁴.

¹ ГАЗК. – Ф. 282. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 36 об., 39, 63 об., 71, 278 об.

² Там же. – Д. 2. – Л. 159.

³ Там же. – Д. 10. – Л. 249 об., 250 об.

⁴ Там же. – Д. 2. – Л. 36 об., 66 об., 75, 87, 87 об., 140, 151.

Второе прошение было подано некоторое время спустя, 1 февраля 1747 г. В этот день состоялось венчание нерчинского казака Якова Шабулова с «засватанной у князевы сына Павла Алексея сына Гантимурова» его сестрой, «девицей Ириной Алексеевой дочерью Гантимурова»⁵. И в этом случае казак Шабулов сочетался первым браком. Через полгода, 12 сентября 1747 г., сыграли пышную свадьбу их отцу – «Нерчинскому князю Алексею Лазареву сыну Гантимурову», который, вступая во второй брак, «засватал из Торгинской слободы у казачего сына Фирса Шейкина» его дочь, девицу Матрону⁶.

Интересное событие произошло 4 октября 1748 г. В этот день в Городищенском приходе состоялись сразу две свадьбы ясачного Елисея Андреева, сына Кучина, да «отпущенного работника бывшего сына боярского Петра Калинина» Василия Григорьева. Эти двое сосватали девиц из того же прихода, а именно: Елисей взял в жены «бывшего князя Алексея Гантимурова дочь Ирину», супругой Василия Григорьева стала «бывшего князя Лазаря Гантимурова дочь Анна»⁷, т. е. родная тётка Павла Гантимурова. Немногом ранее, 25 сентября 1747 г., в том же Городищенском приходе была обвенчана молодая пара – нерчинский боярин Михайло Иванов сын Лоншаковых с девицей «Параскевой дочерью Гантимуровых»⁸.

Приведённые в качестве образца брачные прошения заслуживают внимания по ряду аспектов:

Во-первых, на примере известного в крае княжеского рода Гантимуровых появилась возможность проследить ту специфику, которая была характерна для заключаемых национально-смешанных браков в Нерчинске и близлежащих от него слободах. Многочисленный тунгусский род смог объединить вокруг себя людей не только разных национальностей, но и социальных слоёв. В нём свободно, по-родственному, общались ясачные и бояре, казаки и крестьяне, служилые и «отпущенные» дворовые, солдаты и князья⁹.

Во-вторых, заслуживает внимание общее брачное «доношение», поданное княжеским сыном Павлом Гантимуровым и молодым крестьянином Семёном Федоро-

⁵ Там же. – Д. 10. – Л. 45 об.

⁶ Там же. – Д. 12. – Л. 73 об.

⁷ Там же. – Л. 100.

⁸ Там же. – Д. 2. – Л. 155 об.

⁹ Там же. – Л. 85 об., 103, 111, 144 об.

вым. Оно интересно, например, тем, что является косвенным свидетельством открытых, дружеских отношений молодых людей, несмотря на разницу в их социальном положении, этнической принадлежности (тунгус – бурят) и культурном уровне. Потомственный дворянин, князь Павел Гантимуров, унаследовавший от отца всю власть и титул родоначальника Нерчинских тунгусов, был широко образованным, высококультурным, энергичным и деятельным человеком. В 1761 г. Павла Алексеевича назначили командиром пятисотенного тунгусского казачьего полка, созданного по указу правящего сената о «формировании войск на монгольской границе». В новом для себя деле князь продемонстрировал незаурядные организаторские способности, благодаря которым казаки его полка, дополненные русскими ефрейторами и служилыми казаками, согласно данным, приведённым в работах Ф. Ф. Буссе и М. М. Федорова, исправно несли военную службу, «постоянно, без перерывов» в 22 караулах, расставленных на всём протяжении Забайкальской границы. Слаженность, чёткость, организованность забайкальских эвенков была отмечена самим генерал-губернатором Иваном Якобий, который писал: «Храбрость, и отменное проворство тунгусского рода превосходит всяких других здесь обитающих» [по: 2, с. 49; 15, с. 166].

Личные заслуги и человеческие качества Павла Гантимурова оказали существенное влияние при избрании его депутатом от города Нерчинска для участия в екатерининской «Комиссии по сочинению проекта нового Уложения», так называемой Большой комиссии. Первоначально комиссия заседала в Москве (с 31 июля по 14 декабря 1767 г.), впоследствии была переведена в Петербург, где проработала до 12 января 1769 г. [15, с. 166–173]. Сохранились сведения о двух выступлениях Павла Алексеевича на заседаниях большой комиссии. Первое из них состоялось 20 марта 1768 г. по вопросу судоустройства [14]. Начав своё выступление с обзора существующих правовых актов и государственных указов, князь Гантимуров отметил, что, несмотря на их наличие, «порядка в разрешении судебных дел, возникающих у бурят и тунгусов Забайкалья, нет». Глубокое знание всех сторон жизни простых инородцев, как тунгусов, так и бурят, представление о подлинных злоупотреблениях местного чиновничества помогли ему привлечь

внимание к проблеме социально-правовой незащищённости коренных жителей края и внести ряд конструктивных предложений в проект о правовом положении ясачных народностей Восточной Сибири.

Не менее запоминающееся выступление состоялось и 1 мая 1768 г. при обсуждении «Закона об иноверцах». В своей речи Павел Алексеевич проявил себя тонким дипломатом, прекрасно разбирающимся в приоритетных направлениях государственной политики абсолютизма. Осознавая заинтересованность монархии в массовой христианизации инородцев Сибири, князь первоначально напомнил присутствующим содержание указа сената «О новокрещённых сибирских инородцах» от 28 августа 1724 г., затем, на примере бедственного положения нерчинских тунгусов, показал формальный характер данного правового акта. Он отметил, что «нерчинские тунгусы восприняли святокрещение» и поселились «обще с русскими и особыми деревнями и хлебопашество размножили». Тем не менее, подчеркнул оратор, в 1763 г. новокрещённые тунгусы были насильственно приписаны к нерчинским казённым заводам, что привело к их «сильному оскудению». В завершении Гантимуров произнёс, что, зная участь новокрещённых, «остальные тунгусы могут не пожелать креститься». Таким образом, на заседаниях Большой комиссии князь Павел Гантимуров смог убедительно донести до «высокопочтенных господ депутатов» основные положения наказов бурят и тунгусов, проживающих в окрестностях Нерчинска, и представить всю тяжесть их кабального положения.

В 1777 г., после смерти Павла Алексеевича, вместо него депутатом был избран его сын, Степан Гантимуров, к тому времени уже вступивший в должность родоначальника забайкальских тунгусов. Согласно традициям обычного права, в княжеской династии Гантимуровых пожизненный титул и безграничная власть передавались от отца к сыну. Этот принцип, получивший правовое закрепление в законодательных актах самодержавной России, позволил данной династии господствовать в здешних краях на протяжении нескольких веков.

В-третьих, большинство представителей знатного тунгусского княжеского рода, дворян московского списка Гантимуровых, при выборе супругов отдавали предпочтение лицам русской национальности. Для этого имелись достаточно веские осно-

вания. Так, согласно сведениям седьмой ревизии, приведённым в работе М. М. Федорова, численность тунгусов мужского пола в Нерчинском округе была следующая: православных – 2 925 чел., ламаистов – 2405 чел., шаманистов – 983 чел. [15, с. 178]. Получается, что в начале XIX в. тунгусов-мужчин в родах, подчинённых князьям Гантимуровым, насчитывалось в общей сложности немногим более 6 000 чел.

В конце XVII в. их количество было значительно меньше. По этой причине, во избежание кровосмешения, многим тунгусам приходилось брать супругиц других национальностей или сватать девушек из отдалённых районов Забайкалья. Зачастую ради вступления в брак тунгусы-мужчины и буряты-мужчины преднамеренно принимали православие.

Убедительным примером сказанному может быть брачное прошение, в котором отмечено, что «тунгусской породы новокрещённый Федот Пляскин крестьянин из Нерчинского Успенского монастыря» сосватал из «Ундинского приходу у крестьянина Семена Пьянова его дочь, девицу Пелагею Семенову». При этом, отмечает священник, он «не ведал по неже сего года» о смысле причастия, так как незадолго до свадьбы «воспринял святое крещение»¹. В данном контексте интересен случай, произошедший в Нерчинском Успенском монастыре (в Успенской церкви), где был приобщён к православной вере лама, восприемником которого стал настоятель с фамилией Шварев. Накануне лама посватался к сестре высокопоставленного нерчинского казака, сына боярского Лоншакова, за которую предварительно уплатил крупный выкуп. После принятия православия лама пришёл в дом будущей невесты для уточнения дня свадьбы. Однако здесь ему было отказано в сватовстве, к тому же, не возвращены богатые подарки. В итоге разорённый и обесчещенный лама принял монашество и стал усердным служителем Нерчинского Успенского монастыря.

Следовательно, возрастание количества национально-смешанных браков в крае было обусловлено не столько горячностью крови аборигенов, сколько малочисленностью проживающего здесь населения в целом. Первопроходцы, проникнувшие в Восточное Забайкалье, по образному сравнению Н. М. Ядринцева, «оказались оторванными от общей колонны русской

колонизации, превратившись в крапинку русской народности, замкнутой среди инородцев» [17, с. 84]. В ситуации численного превосходства бурят и тунгусов, «представляющих племена с задатками крепкого и прочного существования», русские смогли добиться своей победы «слитием».

В итоге длительного процесса ассимиляции и смешения пришлых русских с коренными жителями края произошли существенные изменения в их физическом облике и нравственных качествах. Интересное истолкование этому сохранило старинное Байкальское придание: «Буряты и тунгусы жили по соседству, помаленьку родней обзаводились: буряты женились на тунгусских девках, тунгусские ребята брали за себя девок из бурят. Смешалась их кровь так, что нельзя было разобрать: то ли это бурятская семья, то ли тунгусы. Потом, когда в этих краях русские появились, то тоже к бурятам и тунгусам в родню вошли. Потому и теперь вот нашего брата трудно отличить по лицу – бурят он, тунгус али русский» [1, с. 208–210]. Паллас, делаясь своими впечатлениями, подчёркивал, что карымы (метисы) обладают «правильными и приятными чертами лица». По мнению Ядринцева, это «весьма привлекательный тип, приближающийся к кавказской» наружности. В то же время, карымы отличались меньшей, по сравнению с жителями европейской части страны, религиозностью и мистичностью, наверное, по этой причине более прагматичны и материалистичны в своих жизненных восприятиях.

Наибольшая ориентированность на смешение «русского выходца с забайкальским бурятом» наблюдалась в среде забайкальских казаков, чему во многом способствовали обстоятельства жизни казака в Забайкалье». В ряде этнографических работ М. А. Кастрена сохранились уникальные описания процесса ассимиляции, проходящей в инородческой среде. По его мнению, из-за малочисленности тунгусского рода, «они и принуждены были брать себе в жены бурятских женщин и через то усвоили себе нравы и образ жизни бурят» [по: 7, с. 71]. Аналогичный случай был описан Этиль Джоан Лингрэн, которая в ходе этнографической экспедиции стала свидетелем просьбы «одного несчастного холостого молодого тунгуса-оленевода... узнать о возможности найти ему монгольскую жену с юга по причине нехватки девушек в его улусе» [13, с. 262]. Получается, что при

¹ ГАЗК. – Ф. 282. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 187.

ассимиляции, как разновидности объединяющего этносоциального процесса, происходит постепенное растворение части одного этноса в многочисленной массе другого. В ходе его представители ассимилируемого этноса утрачивают свои прежние стереотипы и приобретают новые этнические свойства. По замечанию британского антрополога Э. Дж. Лингрен, «межрасовые браки с русскими в данной этноконтактной зоне заключались достаточно активно. Евразийцы (потомки смешанных браков) оказались достаточно выносливыми, хорошо приспособленными для выживания в этих суровых краях» [13, с. 254].

В описанных условиях немаловажной причиной, влияющей на стабильность межэтнических взаимоотношений в крае, явилась способность людей акцентировать внимание преимущественно на восприятии личностных качеств конкретного человека, раскрывающихся в процессе его жизнедеятельности. Благодаря данной установке в межличностных отношениях не уделялось серьёзного внимания социально-статусной или этнической принадлежности индивида.

В немалой степени этому способствовало и то, что у детей, воспитывающихся в семьях от межнациональных браков, с рождения на психологическом уровне происходило формирование внутренних установок на толерантность (терпимость), что в дальнейшем становилось стилем и образом их жизни. Красноречивым примером сказанному являются многочисленные брачные обыски (под которыми принято понимать письменные акты, содержащие определённые сведения о людях, соби-

рающихся совершить обряд венчания, и устанавливающие факт отсутствия препятствий к их вступлению в брак) из церковных трёхчастных книг православных храмов Нерчинска и Свято-Успенского мужского монастыря. Не каждый, попавший волею судьбы в Забайкалье, мог перенести суровый климат, тяжёлые бытовые и жизненные условия, редкие, но беспощадные эпидемии. Малолюдство, нестабильность на границе, высокий уровень смертности в период конца XVII – первой четверти XVIII в. способствовали заключению третьих и даже четвёртых (запрещённых как светскими, так и церковными законами) браков. Создание семей с вдовцами или «вдовами второбрачными» и «третьебрачными» предполагало объединение в одной новой семье детей от предыдущих браков, разной национальности, различного социального, статусного, культурного уровня. Необходимость противостоять превратностям судьбы и выжить способствовали формированию терпимости и взаимопониманию.

Заключение. Таким образом, в процессе взаимодействия коренных народов Даурии с пришлыми русскими, а впоследствии и с представителями других национальностей прослеживалась тенденция на установление родственных отношений. Приоритетной формой породнения для представителей автохтонного населения края стали брачные союзы. Именно заключение межнациональных брачных союзов помогло и пришлым русским в скорейшей адаптации к новым условиям и прочном закреплении за Российским государством присоединённой ими территории Северной Азии.

Список литературы

1. Байкальские легенды и придания. Фольклорные записи Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1984. 235 с.
2. Буссе Ф. Ф. Забайкальское инородческое войско. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1897. 212 с.
3. Бушуева Е. С. Социально-исторические предпосылки становления регионального менталитета // Проблемы Земной цивилизации. Поиск решения проблем выживания и безопасности Земной цивилизации: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: ИрГТУ, 2007. Вып. 18. С. 208–213.
4. Бушуева Е. С. Причины появления национально-смешанных семей в Забайкалье на этапе присоединения территории, их роль в межэтнической интеграции населения края // Поиск решения проблем выживания, безопасности и развития Земной цивилизации в условиях всеобщей глобализации и интеграции: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Анохина, Н. М. Пожитного. Иркутск: ИрГТУ, 2009. Вып. 23. С. 83–91.
5. Бушуева Е. С. Развитие межэтнических отношений в Восточном Забайкалье (к истории Нерчинской Успенской церкви) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 11. С. 285–291.
6. Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежды, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 4. 230 с.
7. Гирченко В. П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX в. о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939. 92 с.

8. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. : монография. М.: АН СССР, 1960. 662 с. (Серия «Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая»).
9. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / сост., вступ. ст. и коммент. Н. С. Демковой. СПб.: Азбука-классика, 2010. 380 с.
10. Жуков А. В. Развитие этноконфессиональных отношений между русским и бурятскими этносами на территории Восточного Забайкалья // «Мы близимся к началу своему...»: история и культура Забайкалья: материалы науч. конф., посвящ. 150-летию Забайкальской области и города Читы. Чита, 2001. С. 93–96.
11. Константинова Н. Н., Болонев Ф. Ф. Этническая история и состав населения края // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск, 2001. Т. 1. С. 203–204.
12. Леонтьева Г. А. Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города в XVII – первой четверти XVIII в. // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1984. С. 100–119.
13. Лингрен Э. Дж. Северо-Западная Маньчжурия и тунгусы-оленьеводы // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 3. С. 251–264.
14. Сборник Российского исторического общества. СПб., 1871. Т. 14. С. 208–211.
15. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX века). Якутск, 1978. 208 с.
16. Цибилов Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970. 283 с.
17. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 472 с.
18. Lincoln W. B. The conquest of a continent: Siberia and the Russians. London: Cape Ser, 1993. 500 p.

Статья поступила в редакцию 23.04.2019; принята к публикации 20.12.2019

Сведения об авторах

Бушуева Елена Сергеевна, старший преподаватель, Иркутский национальный исследовательский технический университет; 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83; e-mail: bushueva.yara13@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8837-4917>.

Новиков Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор; Иркутский национальный исследовательский технический университет; 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83; e-mail: novikov710@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>.

Вклад авторов в статью

Е. С. Бушуева – основной автор, организатор исследования, выявила ранее не опубликованные архивные документы, осуществила их анализ, подготовила и оформила статью к публикации, сформулировала выводы.

П. А. Новиков обобщил итоги реализации коллективной работы.

Библиографическое описание статьи

Бушуева Е. С., Новиков П. А. Роль межнациональных браков в стабилизации межэтнических отношений в этноконтактной зоне Восточного Забайкалья во второй половине XVII – XVIII веке (к истории Нерчинской Успенской церкви) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 3. С. 30–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-3-30-40.

References

1. Baikal legends and legends. Folklore recordings L. E. Eliasova. Ulan-Ude, 1984. (In Rus.)
2. Busse, F. F. Zabaykalsky native army. M: t-vo type. A. I. Mamontova, 1897. (In Rus.)
3. Bushuyeva, E. S. Socio-historical prerequisites for the formation of regional mentality. Problems of Earth civilization. "Search for solutions to the problems of survival and security of the Earth's civilization". Issue 18. Irkutsk: Irgtu. 2007: 208–213. (In Rus.)
4. Bushueva E. S. Reasons for the appearance of national-mixed families in Transbaikalia at the stage of annexation of the territory, their role in the interethnic integration of the population of the region. Materials of the 2nd all-Russian scientific and practical conference "Search for solutions to the problems of survival, security and development of the Earth's civilization in the conditions of universal globalization and integration". Issue 23. Irkutsk: Irgtu. 2009: 83–91. (In Rus.)
5. Bushuyeva, E. S. Development of interethnic relations in Eastern Transbaikalia (to the history of the Nerchinsk Assumption Church). Bulletin of the Irkutsk State Technical University, no. 11, pp. 285–291, 2015. (In Rus.)
6. George I. Description of all the peoples living in the Russian state, their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, faiths and other memorabilia. SPb., 1799. Part 4. (In Rus.)

7. Girchenko, V. Russian and foreign travelers of the XVII, XVIII and first half of the XIX centuries. about the Buryat Mongols. Ulan-Ude, 1939. (In Rus.)
8. Dolgikh, B. O. Generic and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century. Series: Proceedings of the Institute of Ethnography named after N. N. Miklukho-Maklay. T. LV. M: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. (In Rus.)
9. The life of Archpriest Avvakum, written by himself, and his other writings. Editor text, comp., Intro. art. and comment. N. S. Demkova. Saint Petersburg: Azbuka-klastika, 2010. (In Rus.)
10. Zhukov, A. V. Development of ethnic and religious relations between Russian and Buryat ethnic groups on the territory of Eastern Transbaikalia. "We are nearing the beginning of our..." History and culture of Transbaikalia. Materials of the scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the Trans-Baikal region and the city of Chita. Chita, 2001: 93–96. (In Rus.)
11. Konstantinova, N. N., Bolonev, F. F. Ethnic history and composition of the population of the region. Encyclopedia of Transbaikalia. Chita region. Novosibirsk, 2001. Vol. 1: 203–204. (In Rus.)
12. Leontieva, G. A. The role of service people in the economic formation and development of the Siberian city in the XVII – first quarter of the XVIII century. Historiography of Siberian cities of the late XVI – early XX century. Novosibirsk: Nauka, 1984: 100–119. (In Rus.)
13. Lindgren, Ej. North-Western Manchuria and Tungus-reindeer herders. Proceedings of the laboratory of ancient technologies, no. 3, pp. 251–264, 2018. (In Rus.)
14. Collection of the Russian historical society. Saint Petersburg, pp. 208–211, vol. 14, 1871. (In Rus.)
15. Fedorov, M. M. The Legal status of the peoples of Eastern Siberia (XVII-beginning of the XIX century). Yakutsk, 1978. (In Rus.)
16. Tsibikov, B. D. Customary law of the Selenginsky Buryats. Ulan-Ude, 1970. (In Rus.)
17. Yadrintsev, N. M. Siberia as a colony. SPb: 1882. (In Rus.)
18. Lincoln, W. Bruse, The conquest of a continent: Siberia and the Russians. London: Cape, Cep, 1993. (In Engl.)

Received: April 2019, 23; accepted for publication December 20, 2019

Information about authors

Bushueva Elena S., Senior Teacher, Irkutsk National Research Technical University; 83, Lermontova st., Irkutsk, 664074, Russia; e-mail: tserkov1712-spasite@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8837-4917>.

Novikov Pavel A., Doctor of History, Professor, Irkutsk National Research Technical University; 83, Lermontova st., Irkutsk, 664074, Russia; e-mail: novikov710@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>.

Information about authors

E. S. Bushueva is the main author and organizer of the research, who identified previously unpublished archival documents, analyzed them, prepared the article for publication and formulated conclusions.

P. A. Novikov summarized the results of the implementation of collective work.

Reference to the article

Bushueva E. S., Novikov P. A. The Role of Interethnic Marriages in Stabilizing Interethnic Relations in the Ethno-Contact Zone of East Transbaikalia In the Second Half of the XVII – XVIII Centuries (to the History of the Nerchinsk Assumption Church // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 3. PP. 30–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-3-30-40.